

Скиталец

Композитор

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

Я шел по набережной мимо одного грязного трактира. Вдруг мне послышалось, что кто-то изо всей мочи крикнул мое имя. Оглянувшись, я увидел в окне толстобрюхую фигуру мясника Сидорыча, моего давнишнего приятеля. Он приятельски осклаблялся, поманив меня рукой, и орал зычным басом:

- Гаври-илыч!.. Гаври-илыч!..
- Чего тебе? - крикнул я ему.
- Зайди на минутку! Дело есть!

Когда я вошел в трактир, то сразу не мог разобраться, так было накурено и так скверно пахло. Трактир, по случаю воскресенья, был полон, стоял гул голосов, входили и выходили люди, бегали бледнолицые половые с грязными салфетками, и я остановился на пороге, ища глазами Сидорыча...

- Сюда! Сюда! - раздался его голос из угла. - Иди сюда!..

Сидорыч встал из-за стола, за которым он сидел с кем-то, взял меня за руку, подведя к собеседнику, торжественно спросил меня:

- Знаешь ли, кто это со мной сидит? - и, потрясая вилкой, на которой был кусок сосиски, завопил: - Это - ком-по-ззи-тор!

Сидорыч был уже порядочно пьян. На столе стояла водка с неопрятной кабацкой закуской. Тот, кого Сидорыч назвал композитором, поднял голову и поглядел на меня пьяными, добрыми голубыми глазами. Это был мускулистый человек лет около тридцати, с густыми волнистыми кудрями и рыжеватыми усами. Его лицо являло все признаки долголетнего пьянства: оно было измято, с характерными морщинами и мешками под глазами, нос был ноздреват и красен, но черты лица были красивы и выразительны, а голубые детские глаза положительно напоминали мне что-то забытое...

- А ведь мы с вами знакомы были! - произнес он хриплым, пропитым голосом и улыбнулся застенчивой! улыбкой. - Органов!

Я был поражен... Несколько лет тому назад я знал Органова, странного, симпатичного юношу с голубыми, наивными глазами. Он тогда ничего не пил и был очень красив, говорил и пел звучным, приятным баритоном, детства пел в церковных хорах и удивлял меня своими способностями, в особенности музыкальными. Играл на всех инструментах оркестра, выучившись этому самоучкой, превосходно знал музыку и тогда еще писал какие-то музыкальные пьесы и разыгрывал их на фисгармонии, которую сделал сам. Сам же сделал себе и концертную гармонию. Жил слесарным ремеслом, которым занимался дома, квартируя в лачуге на краю города со старухой матерью. Зарабатывал мало, занимаясь большею частью только починкой самоваров и часов. Зато постоянно сидел за фисгармонией... Из бедной лачуги вечно неслись стройные тягучие аккорды. Его часто приглашали на мещанские свадьбы играть на гармонии. Играл он, как артист.

Сидорыч был одним из тех смешных любителей музыки, которые сами ничего в ней не понимают и имеют слуха. Он не мог спеть ни одной самой простой песни, а между тем замирал от восторга, когда слышал пение или музыку. Понятно было его преклонение перед "композитором".

- Он в тоску может человека вогнать! - хвалил Сидорыч своего собутыльника. - До смерти люблю, когда он со слезой заиграет! Ему, брат, пятьсот целковых его ноты давали, а он, чудак, не продает!..

- Да ну тебя! - укоризненно прервал его Органов.

- Что же вы не продали ваши сочинения? - спросил я.

- Да так. Не к чему. Денег мне не надо: все равно пропьешь... Пускай после моей смерти возьмут...

- У него гвоздь в башке! - объяснил мне Сидорыч странный ответ композитора. - Он на чем упрется, не собьешь! А ты лучше вот что: сейчас берем с собой бутылку водки и - к тебе. И Гаврилыча возьмем. Ты нам сыграешь. Идет?

- Идет.

Компания была подвыпившая, но Органов всегда мне казался интересной личностью, каким-то человеком не от мира сего, и, кроме того, мне хотелось послушать его игру. Я согласился поехать к Органову. Мы сели втроем на извозчика, причем композитор кое-как прилепился на козлах. Ехать пришлось на самый край города, имевший совершенно сельский характер: тянулись пустыри и заборы, по улице ходили коровы и свиньи, убогие лачуги смотрели печально. Мы